

УДК 811.161.1

И.Б. Шатуновский

Перлокутивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами¹

Аннотация:

Статья посвящена перлокутивным действиям и перлокутивным глаголам — глаголам, которые обозначают перлокутивные действия — в русском языке. Исследование перлокутивных действий чрезвычайно важно не только для лингвистики, но также для социологии, социальной психологии и логики действий, поскольку перлокутивное взаимодействие неразрывно связано с социальным взаимодействием в целом. В статье предложен новый подход к перлокутивным действиям и глаголам, определены условия перехода перлокутивных глаголов в иллокутивные глаголы, выделены основные типы перлокутивных глаголов и действий, описаны наиболее важные глаголы этого типа в русском языке.

Ключевые слова: перлокутивный, иллокутивный, речевые действия, глаголы, русский язык, семантика, прагматика.

Об авторе: Шатуновский Илья Борисович, доктор филологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: shatunovskiy@yahoo.com

Перлокутивные речевые действия

Теория речевых актов, наиболее активно развивавшаяся в 60-х гг. прошлого века, постепенно отодвинулась на задний план вследствие изменения лингвистической моды, или, говоря научным языком, парадигмы лингвистических и примыкающих к ним гуманитарных исследований. При этом очень многие чрезвычайно важные для теории и практики описания языка вопросы остались «недорешенными», в частности, особенности перлокутивных речевых действий в связи с семантикой и грамматикой описывающих их глаголов. Как отмечает М. Я. Гловинская, понятие перлокуции у Остина неясно [9, 227], мы бы сказали мягче — не совсем ясно. Возможно, поэтому в ряде работ иллокутивные и перлокутивные акты (действия) не разграничиваются. Так, Дж. Серль в своей классификации иллокутивных актов рассматривает в качестве иллокутивных актов и фактически перлокутивные акты (*threaten* ‘угрожать’, *boast* ‘хвастаться’, *complain* ‘жаловаться’ [29, 177, 181]. Аналогично, в работе [8] рассматриваются недифференцированно в качестве глаголов речевых актов иллокутивные и перлокутивные глаголы. Однако это различие объективно существует, перлокутивные действия, как мы надеемся показать, принципиально отличаются от иллокутивных актов. При этом перлокутивные действия представляют собой такой уровень речевой деятельности, на котором неразрывно соединены, слиты язык и (социальная) жизнь, речевое и социальное взаимодействие в целом.

Прежде всего, определение: перлокутивные действия (далее иногда сокращенно ПД) — это неконвенциональные речевые действия более высокого (относительно иллокутивных актов) уровня, которые совершаются посредством конвенциональных иллокутивных актов (речевых актов, далее сокращенно РА), которые относятся к уровню собственно языка. Остин об этом: «... Осуществление локутивного акта и вместе с ним иллокутивного акта может также выступать как исполнение акта другого рода. < ... > Мы назовем осуществление акта этого типа осуществлением *перлокутивного* акта, или *перлокуцией*» [22, 88]; «Иллокутивные акты конвенциональны; перлокутивные акты *не-конвенциональны*» [22, 100]. Ярким примером перлокутивного действия

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00136.

является *убеждение*. Мы убеждаем кого-нибудь в истинности пропозиции P^2 посредством высказываний, которые сами по себе являются дескриптивными речевыми актами — сообщениями или констатациями. Всегда, когда мы совершаем какой-то перлокутивный акт, имеет место и какой-то иллокутивный акт (акты) (но не наоборот). Так, высказывание (речевое действие) *Петя позвонил*, на иллокутивном уровне может быть охарактеризовано как *сообщил*, но на более высоком перлокутивном уровне — как *успокоил*: *Он сообщил, что Петя наконец-то позвонил, и т е м с а м ы м успокоил Машу*. Когда человек жалуется, он сообщает или констатирует нечто плохое, касающееся его, поэтому это одновременно и сообщение (или констатация), и, на более высоком перлокутивном уровне, жалоба.

Из этого также вытекает следующее различие: в случае перлокутивных действий различается то, что делают, и то, ч е м (какими словами) это делают. Так, угрожают, с о о б щ а я : *Если вы не сделаете это, я вас убью*. В случае иллокутивных актов совпадает то, что делают, и то, чем это делают. Так, когда утверждают, что Земля плоская, то делают это словами: *(Я утверждаю, что) Земля плоская*. (Скобки показывают необязательность перформатива.)

Теперь, в каком смысле иллокутивные акты (речевые акты) конвенциональны, а перлокутивные — нет. Иногда Остину приписывают мнение, что для осуществления иллокутивных актов необходимы какие-то внеязыковые установления, и затем это опровергают [33, 136; 29, 176]. Однако Остин нигде не говорит о том, что в с е иллокутивные акты требуют для своего осуществления внеязыковых установлений. Очевидно, что не все иллокутивные акты требуют внеязыковых установлений. Какие-то требуют, а какие-то нет. «Для того, чтобы сообщить, что идет дождь, или пообещать навестить вас, мне достаточно только соблюдать правила языка» [29, 176]. Все иллокутивные акты конвенциональны в том простом смысле, что их значение и употребление основывается на конвенциях (правилах) языка. Для того, чтобы пообещать что-то или сообщить, что идет дождь (со стороны говорящего (Г), а со стороны адресата (А) — понять, интерпретировать сказанное как обещание и сообщение соответственно), необходимо соблюдать (для А — знать) правила языка. У иллокутивных актов есть специальные языковые показатели, есть конвенциональная форма, так же, как и у отдельных слов и у, скажем, синтаксических типов предложений. Для дескриптивных РА — это форма изъявительного наклонения, для различных видов дескриптивных РА, например, сообщения — дополнительно перформатив *сообщаю*, особая интонация; для побуждения — форма повелительного наклонения, а также, дополнительно, перформативные слова, для вопросов — форма и интонация вопроса. Без этих показателей языковых, формальных — это не будет сообщением, вопросом и т.д.³

В случае перлокутивных актов (действий) не надо знать никаких правил и конвенций, ни языковых, ни внеязыковых, касающихся собственно перлокутивных актов. Всё, что здесь нужно, это знать, как совершать и интерпретировать иллокутивные акты, посредством которых они совершаются, и плюс к этому иметь экстралингвистические знания, касающиеся устройства мира и ума человека, и владеть естественной, внеязыковой, обыденной логикой, которой все люди владеют, независимо от конкретного языка, уже в силу того, что они являются людьми. Так, для того, чтобы сказать с определенной целью (со стороны Г) и понять, что происходит, и как-то на это реагировать (со стороны А), в случае, например: *Если ты это сделаешь, я тебе голову оторву*, совершенно не надо знать, что это угроза. Если А понял содержание этого сообщения и (тем самым) принял его во внимание, то перлокутивный акт угрозы осуществлен. Из этого сообщения также вытекает, можно сказать, в каком-то смысле содержится в нем, «идея», что Г стремится (и может) добиться посредством этого высказывания, чтобы А не делал Р. Но если А и не станет после и в результате этих слов Г делать Р, то это не потому, что он знает, что это угроза, но исключительно потому, что

²Р — пропозиция, описывающая какое-то положение дел (состояние, событие, действие, процесс и т.п.) в действительности / положение дел, описываемое пропозицией.

³ Отметим, что косвенные речевые акты, которые делаются посредством прямых РА и мотивируются ими, также конвенциональны; способы совершения косвенных речевых актов различаются в разных языках и в целом идиоматичны [30, 213 – 215]. При этом следует различать косвенные речевые акты и компрессированные печочки РА, в которых какой-либо РА присутствует имплицитно как импликатура: *Пойдем в кино — У меня завтра экзамен* → ‘поэтому я должен готовиться к экзамену’ → ‘поэтому я не могу пойти в кино’ → ‘поэтому я отказываюсь’ (см. подробнее [38]).

ему не хочется испытать ущерб, который ему причинит Г в случае совершения им Р. Это логика жизни, а не языка.

С описанной выше спецификой иллокутивных и перлокутивных актов (действий) связаны особенности употребления соотносительных с этими актами (обозначающими их) иллокутивных и перлокутивных глаголов. Иллокутивные глаголы могут употребляться и дескриптивно — для описания, сообщения о том, какое иллокутивное действие произведено, производится, будет произведено, и перформативно — для совершения этого самого речевого акта и экспликации его характера, т. е. указания, какой именно акт совершается. Перлокутивные глаголы не употребляются перформативно. Иными словами, мы не убеждаем, говоря: **Я вас убеждаю, что вам надо сходить к врачу*, и не угрожаем, произнося: **Я вам угрожаю, что я вам голову оторву*⁴. Вопрос: почему? Почему не говорят: *Я угрожаю...*? Просто потому, что оно здесь не нужно. Здесь нет ничего скрытого, конвенционального, о чем сигнализировало бы слово *угрожаю*. Экспликация коммуникативной цели — **Я вам угрожаю...* — ничего не прибавляет к ... *если вы это сделаете, я убью вас*. Перлокутивные глаголы не употребляются (без особых оснований) в перлокутивных актах потому, что их добавление нарушает один из главных принципов речевого общения [11]: не говори лишнего.

Для некоторых из перлокутивных глаголов дополнительными причинами, препятствующими их перформативному употреблению, являются «подрывные» факторы, описанные З. Вендлером [6]. Например, в случае английского *flatter* и русского *льстить* таким фактором, препятствующим экспликации цели данного действия в самом этом действии, является его неискренний характер: *льстить* — ‘неискренне говорить хорошее (\approx хвалить) А с целью добиться его расположения (хорошего к себе отношения) и получить какую-то выгоду’ [14, 660] — обнаружение А-ом неискренности дескрипций Г уменьшает (но не исключает!) шансы на достижение цели этого действия, поэтому обнаруживать скрытую цель и вредить самому себе — нелогично и неразумно. В *хвалиться, хвастаться, подначивать* (и в соответствующих английских глаголах) и т.п., а также и в *льстить* и *flatter* заключена отрицательная оценка данного действия, что препятствует приложению этой оценки к себе (в целом люди оценивают себя и свои действия положительно), хотя и не исключает этого (в качестве некоторой самокритики: *Хочу похвастаться...* — Г осознает свою слабость). Но всё это дополнительные факторы. Не используется перформативно и множество других глаголов, которые обозначают действия, в экспликации которых отсутствует какой-либо подрывной фактор. Нет ничего плохого, неискренного и т.п. в том, чтобы подбадривать, успокаивать, уговаривать, утешать, жаловаться и т.п., и т.д., тем не менее, не говорят: **Я вас подбадриваю сделать это*; **Я вас успокаиваю, что он обязательно позвонит* и т.д., где цель — хорошая и оценка действия — положительная.

Заметим, что перлокутивное действие не обязательно делается посредством конкретных иллокутивных актов, располагающих собственным иллокутивным глаголом, способным употребляться дескриптивно и перформативно. Так, при совершении перлокутивных действий активно употребляются РА «широкого», недифференцированного побуждения, выражаемого формами повелительного наклонения [25, 102; 23, 79], не имеющими специального лексического показателя иллокутивной силы (перформативного слова). Аналогично, перлокутивные действия часто совершаются посредством «широких» дескриптивных (описывающих действительность) РА (высказываний), о которых можно сказать не более того, что они фактивны (среди «узких», конкретных РА к ним относятся сообщения, объявления, констатации) или нефактивны (утверждения, заявления, уверения, заверения) [36].

Поскольку перлокутивные действия осуществляются посредством иллокутивных актов и в каком-то смысле «состоят» из них (как предложение строится и состоит из слов), любое перлокутивное действие состоит, по крайней мере, из одного иллокутивного акта (высказывания с определенной иллокутивной силой), но может совершаться и целым рядом иллокутивных актов

⁴«... Нельзя совершить актов, скажем, похвалы или угрозы, сказав “Настоящим я хвалюсь” или “Настоящим я угрожаю”», — пишет Серль, делая из этого вывод, что не все иллокутивные глаголы могут употребляться перформативно [29, 177]. Однако из этого, на наш взгляд, следует только то, что это не иллокутивные, а перлокутивные глаголы.

(высказываний), часто разного типа. (Это как предложение, которое может состоять из одного слова, но обычно состоит из нескольких слов, выполняющих различные функции в этом предложении.) Если перлокутивное действие состоит из одного иллокутивного акта, то в этом случае можно говорить о перлокутивном акте. Например, можно похвастаться одним высказыванием, сообщающем о каких-то положительных качествах или достижениях Г — это будет перлокутивный акт хвастовства. Однако можно хвастаться и обычно хвастаются, а тем более убеждают, уговаривают и т.д. целым рядом высказываний, объединенных одной целью. Поэтому необходим и мы употребляем здесь более общий термин *перлокутивное действие*, не предполагающий, как термин *акт*, единичность.

Мы обрисовали приблизительно границу перлокутивных действий «снизу», со стороны более низкого, языкового уровня, отграничив их от иллокутивных актов. Но необходимо провести эту границу также «сверху» и «сбоку». Прежде всего, необходимо как-то ограничить круг возможных перлокутивных действий. Трудно даже вообразить все возможные эффекты и цели, которые может иметь в виду Г, совершая иллокутивный акт (акты), тем самым формируя действие более высокого уровня. Поэтому здесь речь пойдет о таких речевых действиях, которые выделены, фиксированы в языке при помощи специальных слов — глаголов и отглагольных существительных. Так, есть даже два слова (одно более широкое, другое более узкое по значению) для речевого действия, совершаемого словами *Если вы сделаете это, я накажу вас* — *предупреждение / угроза*, но в русском языке нет слова и тем самым не выделено в языке противоположное действие — *Если вы сделаете это, я вознагражу вас* — хотя как таковое оно на том же уровне, что и угроза. Раз нет такого слова — то, в рамках лингвистики, нечего и изучать.

Другое ограничение — перлокутивные действия должны быть именно речевыми и действиями по преимуществу. Если иллокутивные акты могут совершаться только речевыми способами или же физическими действиями, имеющими знаковую, символическую природу (например, можно попрощаться, сказав *До свидания!* и / или помахав рукой) [22, 97 – 98], то иная ситуация в области действий перлокутивных. Здесь также есть большая группа чисто речевых действий — действий, которые могут совершаться только словами: *жаловаться, упрекать, льстить, говорить (делать) комплименты, хвастаться, уговаривать* и т.п. Однако многие глаголы обозначают действия, которые могут совершаться как словами, так и неречевыми средствами (см. [22, 97 – 98]). Так, *успокоить, подбодрить* и даже *убедить* можно не только словесными действиями: *He should convince his employer that he could do his job* (Deutsche Welle TV) – *Он должен убедить работодателя, что он мог бы выполнять эту работу* (работу электрика) — наверное, прежде всего своими делами, а не словами. Такие действия и глаголы рассматриваются только в той мере и в том аспекте, в каком они являются речевыми действиями; критерием здесь является способность вводить прямую речь (в форме совершенного (СВ) или несовершенного (НСВ) вида; так, *смешишь / рассмешишь* не является перлокутивным глаголом, поскольку не может вводить прямую речь: *«Я выиграю эту гонку»*, — **(рас)смешил меня он*; аналогично *Чубайс получал деньги от американцев*, — **клеветал / *оклеветал его Доренко*; *«Ты идиот»*, — **оскорбил Петр Ивана*.

Перлокутивные акты могут переходить в иллокутивные акты в тех случаях, когда происходит их конвенционализация, фразеологизация. Это приводит к возникновению переходных случаев между иллокутивными и перлокутивными глаголами, когда один глагол может употребляться и перлокутивно, и иллокутивно (*предупреждаю, уверяю, умоляю, настаиваю* и т.д.). Проиллюстрируем это на примере *предупреждения*. *Предупреждение* — это комплексноперлокутивное действие, которое совершается дискурсивным «блоком», состоящим из двух естественно — с точки зрения логики речевого общения — связанных иллокутивных «частей»: сообщения, что возможно / будет некоторое плохое для А Р, и побуждения принять это во внимание, учитывать в своих дальнейших действиях (\approx «Х говорит это потому, что хочет, чтобы Y руководствовался этой информацией в своих действиях» [8, 173]). Компонент побуждения может по-разному конкретизироваться в различных ситуациях предупреждения: 'не делай Q, которое может привести к Р'; 'сделай Q, которое позволит предотвратить Р / минимизировать его последствия'; 'приготовься к тому, чтобы столкнуться с Р или его последствиями' и т.д.: *Не пей из лужи, Иванушка, козленочком станешь!* В подобных случаях *предупреждаю* обычно не употребляется, просто потому, что оно здесь излишне, хотя дескриптивно это действие описывается

именно как предупреждение: *Из машины не вылезайте, кнопки все нажмите — папаша суровый, может и палкой заехать, и собаку спустить!* — предупредил Байрам (М. Гиголашвили. Чертово колесо)⁵. В то же время *предупреждать* может использоваться перформативно, формируя вместе с вводимой им диктальной пропозицией иллокутивный акт. В этом случае оно «вбирает» в свое значение какие-то элементы перлокутивного текста, претерпевая тем самым конвенционализацию, лексикализацию. Этот переход сигнализируется сокращением перлокутивного текста, какие-то элементы которого уже не выражаются открыто как таковые, но сигнализируются перформативным *предупреждаю*, употребление которого в этом случае становится если не необходимым, то весьма желательным: *Предупреждаю: в поле будет жарко. — Я не боюсь.* (И. Грекова. На испытаниях). В данном случае эксплицитно выражено то, что будет плохое для АР; наличие побуждения ‘прими это во внимание, подумай, может быть, тебе не стоит ехать’ сигнализируется здесь перформативом *предупреждаю*. Другой вариант — эксплицируется только побуждение, а сообщение о плохом Р имплицитно перформативным глаголом *предупреждаю*: *Я просто еще раз предупреждаю тебя, чтобы ты не выходила из офиса* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости) → ‘если выйдешь, с тобой будет нечто плохое’. Ср. также замечание Серля: «Некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллокутивной целью. ... Так, ...: «Предупреждаю: отстань от моей жены!» (директив), «Предупреждаю, что бык вот-вот бросится» (репрезентатив)» [29, 194]. Как представляется, в обоих случаях это иллокутивный акт именно предупреждения (warning), просто в одном случае имплицитным остается компонент сообщения о возможном плохом для АР (= ‘если ты не отстанешь от моей жены, я каузирую тебе плохое Р’ — разновидность предупреждения, предупреждение-угроза), во втором — компонент побуждения: ‘беги / приготовься к схватке или т.п.’.

Другой подход к разграничению иллокутивных и перлокутивных глаголов, представленный в российском языкознании прежде всего в работах М. Я. Гловинской [9, 277 – 284 ; 8, 216 – 217], опирается на критерий достижения перлокутивного эффекта (результата) («... The perlocutionary act ... is the *achieving of certain effects* by saying something» [41, 120], см. также [41, 101]) исоответственнорусскоязыкенаразличиеНСВиСВ. Перлокутивы «обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее. При этом граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, в форме СВ — перлокутивом» [9, 278]. В соответствии с этим критерием глагол НСВ, например, *убеждать* — это иллокутивный глагол, соотносительный глагол СВ *убедить* — перлокутив. На наш взгляд, имеет смысл разграничить иллокутивные и перлокутивные глаголы, не связывая это противопоставление с реальным достижением результата и различием видов. *Убеждать* и др. НСВ глаголов этого типа и обозначаемые ими действия (деятельность) имеют объективные отличия от иллокутивных глаголов (речевых актов) и объективные сходства с СВ *убедить* и др. И главное отличие — *убеждают, успокаивают* и т.д. посредством иллокутивных актов. Деятельность (процесс) убеждения так же неконвенциональна, как и достижение результата. И НСВ, и СВ в этом случае обозначают о д н о и т о же действие, о д н у и т у же неконвенциональную, осуществляемую посредством конвенциональных иллокутивных актов деятельность (но с разных сторон, в разных аспектах, как это и свойственно формам вида).

Далее, если принять в качестве критерия перлокутивности достижение действием эффекта, окажется, что одно и то же речевое действие, пока оно не достигло результата, а совершается, является иллокутивным актом, а после того, как оно достигнет результата, оно же становится задним числом перлокутивным актом (действием). Такое описание не кажется естественным. Более того, очень часто остается неизвестным, достигло ли результата действие, ср.: *Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — успокоил его Крячко.* (Н.И.Леонов, А.В.Макеев. Гроссмейстер сыска) = ‘сказал с целью успокоить’ [34], достиг ли результата, успокоил ли — неизвестно.

⁵ Источником примеров в статье являются, за редким исключением, материалы «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://www.ruscorpora.ru>. — Режим доступа: свободный); далее — Корпус.

Кроме того, наличие цели и произведение эффекта, достижение этой цели (результата)⁶ само по себе не может служить основанием для разграничения перлокутивных и иллокутивных глаголов (актов), поскольку, как справедливо отмечает Остин, у иллокутивных актов тоже часто есть цель, состоящая в изменении состояния ума А-а [22, 96]. Так, когда я сообщаю что-то, то у меня есть цель передать информацию (Р) А-у, и я не могу сказать, что я *сообщил* что-то А-у, если не достигнут результат — А воспринял Р — содержание моего сообщения, принял его как факт и поместил его в свою картину мира (см. [36]).

Примечание: Различие, которое тем не менее имеется в отношении достижения результата между иллокутивными и перлокутивными глаголами, следующее: в перлокутивных глаголах СВ достижение или недостижение результата (там, где это выражается глаголом, не все и не всегда перлокутивные глаголы СВ обозначают достижение результата [34]) — ассерция, потому что здесь результат может быть достигнут, а может быть и не достигнут (*убеждал, но не убедил*), в иллокутивных глаголах СВ достижение результата является имплицативным компонентом [42]. Результат здесь достигается как автоматическое следствие того, что Г сказал Р, просто в силу того, что Г правильно, с соблюдением всех условий успешности произвел соответствующий иллокутивный акт: *Г приказал А-у сделать Р* = ‘сказал ..., [и в силу этого А обязан сделать Р]’; *Г сообщил А-у, что Р* = ‘сказал ..., [и в результате этого А имеет Р в уме]’. Поэтому здесь невозможно отрицание достижения результата: *сообщал, но не сообщил, приказывал, но не приказал; Он не сообщил ему, что Р* = ‘не сказал’.

Два типа перлокутивных глаголов и действий

Все перлокутивные речевые действия, поскольку это намеренные, контролируемые действия, производятся с целью достижения какого-либо эффекта. Однако всё не так просто с целью и намеренностью. Перлокутивные речевые действия и обозначающие их глаголы⁷ делятся с точки зрения наличия и характера цели на 2 группы. Одна из этих групп — это *ц е л е н а п р а в л е н н ы е* глаголы, обозначающие прототипические действия — действия в полном смысле слова, имеющие четкую цель, *ф и к с и р о в а н н у ю* в значении слова, описывающего это действие, полностью и безусловно намеренные. Эта цель касается осуществления какого-то воздействия на А, изменения состояния его «ума» — в широком смысле, ментальной сферы, включающей мысли, чувства и волю адресата. Это такие действия, как *убеждать / убедить, уговаривать / уговорить, успокаивать / успокоить* и т.п. Такие действия являются полностью контролируемыми в отношении процесса совершения этого действия, выражаемого формой НСВ, например, *убеждать* (но не полностью контролируемыми в отношении достижения результата).

Другая группа перлокутивных глаголов / действий — это (глаголы, обозначающие) действия, не имеющие фиксированной, выделенной цели (цели, которая была бы закреплена, лексикализована в значении обозначающего это действие слова). Это такие глаголы / действия, как *жаловаться, предупреждать, ругать, угрожать, упрекать, хвалить, хвастаться* и многие другие. Такие действия также совершаются посредством конвенциональных действий собственно языкового уровня — иллокутивных актов. Так, когда Г *жалуется*, то он *с о о б щ а е т* А-у о некоторых плохих для Г Р, когда он *упрекает* А-а, он, используя дескриптивные высказывания, *к о н с т а т и р у е т*, что он сделал для А некоторые хорошие для А Р, а А со своей стороны не сделал для Г ожидаемых на основе взаимности хороших для Г Р, когда Г *хвастается*, он *с о о б щ а е т* А-у о некоторых положительно характеризующих Г Р, и т.д. Такие речевые действия также имеют какую-то цель или цели. Однако, в отличие от перлокутивных действий предшествующей группы, цель этих действий не фиксирована в языке. С ними связан, ассоциируется «пучок» (только) возможных целей, нечетко отделенных друг от друга. Ср. различия в толкованиях цели перлокутивного действия упрека у разных авторов: «Основная цель упрека — указать, что упрекаемый обманул наши ожидания» [40, 140]. Вполне возможно, что так — в каких-

⁶ В случае целенаправленных (контролируемых) действий (которые только и могут быть названы в полном смысле действиями) цель и результат — это две стороны одной концептуальной медали. Цель — это «замысленный» деятелем, намеченный, предполагаемый результат; результат — это достигнутая действием цель [17, 176].

⁷ Мы классифицируем, делим на типы перлокутивные действия в м е с т е с обозначающими их глаголами (и существительными), это одновременно классификация слов и действий. В области перлокутивных действий язык и жизнь особенно трудноразделимы.

то случаях. «X говорит это, чтобы Y знал, что P огорчает X-а, и не делал больше P» [8, 198]. Такая цель также возможна — но только возможна. Но может быть, также, что он / она старается сделать так, чтобы она / он чувствовал себя виноватым, испытывал угрызения совести, и в результате (всё это только возможно) побудить его сделать что-то хорошее для Г в порядке компенсации. Помимо того, что цель этих действий более размыта, она очень часто и более «инстинктивна», эмоциональна, не рациональна, не очень ясна самому Г — а это значит, что она в меньшей степени является собственно целью, а эти действия в меньшей степени являются собственно действиями. Здесь цель часто превращается в неосознаваемый или слабо осознаваемый мотив⁸. В мотиве сближаются, сливаются причина и цель. Так, когда человек хвастается, он, вероятно, хочет произвести впечатление на А-а, добиться того, чтобы А ценил, уважал Г, возможно, восхищался им, преклонялся перед ним и т.п. Однако он может хвастаться не для того, чтобы почувствовать себя выше А-а (это была бы цель), но потому, что ему приятно чувствовать себя выше А-а (возможно неосознаваемый мотив). Г может жаловаться для того, чтобы побудить А предпринять какие-то действия для облегчения положения Г, но также просто для того, чтобы «облегчить душу», «дать выход отрицательным эмоциям» [8, 196], разделить с кем-то тяжесть неприятных событий. Язык является не только рациональным орудием описания, информирования, задавания вопросов и т.д., но и средством иррационального выражения и «возбуждения» различных эмоций, сознательных, полубессознательных и бессознательных переживаний и чувств — в самом Г и А. Такое выражение и «возбуждение» в гораздо меньшей степени контролируется Г. Нет резкой границы между рациональным, намеренным и эмоциональным, произвольным, ненамеренным в речи (и тем самым в отражающем ее факты языке), в частности в перлокутивных действиях этой группы.

В целом, если в целенаправленных перлокутивных глаголах четко фиксирована цель, т.е. для чего это говорится, но их содержательная характеристика, то есть что при этом говорится, является гораздо более неопределенной, то в перлокутивных глаголах второго типа, напротив, специфика действия (значения глагола) определяется прежде всего тем, что говорится, это достаточно четко фиксировано в значении глагола, но для чего это говорится — является недостаточно определенным, не совсем ясным.

Поскольку здесь неясны цели и тем более неясно, достигнуты ли они, такие глаголы имеют СВ со значением ‘сказал’ и не имеют СВ со значением достижения цели: *Г пожаловался А-у на Б* — ‘сообщил о некоторых плохих для Г действиях Б,’ чего он этим хотел достичь и достиг ли он этим чего-нибудь — неизвестно.

(Как видим, различные действия, в том числе и перлокутивные действия, являются действиями в разной — большей или меньшей степени. Это размывает описание, но ничего не поделаешь — такова жизнь и таков встроенный в нее, являющийся ее неотъемлемой частью язык.)

Целенаправленные перлокутивные глаголы

Рассмотрим теперь более подробно группу целенаправленных перлокутивных глаголов (действий). Перлокутивные глаголы этого типа обозначают речевое действие, цель которого воздействовать на А. Для этих глаголов важным является противопоставление конативных и неконативных перлокутивных глаголов. При этом различие по этому признаку может проходить как между глаголами в целом (то есть глагол в целом является конативным или неконативным), так и между различными значениями (употреблениями) одного глагола, который в одних случаях понимается как конативный, а в других — неконативный. Наиболее простое определение этой группы — конативные глаголы — это глаголы со значением попытки (для СВ), включающие в свою семантику значение ‘пытаться’ (для НСВ) [5, 27; 23, 112; 19]. Глагол *попытаться / пытаться* является аналитическим показателем конативности, посредством этого глагола образуются конативные сочетания от глаголов, которые могут пониматься как конативно, так и неконативно (например, *пытается открыть окно*). В случае *пытаться / попытаться* и конативных глаголов в целом действие имеет некоторую цель (направлено на достижение определенного результата), и достижение этой цели является вероятностным (только возможным). При этом важно, что достижение цели в случае конативных глаголов двусторонне обусловлено: оно, с одной стороны,

⁸О сближении в ряде случаев мотива и цели, их контаминации см. [3,15; 26].

зависит от усилий С, а с другой, как отмечает Е.В Падучева [24, 52],— всегда **иот** (неподвластной ему) **удачи**. Например, человек *пытается найти / ищет кого-либо*. В одно место заглянул — нет его, в другое место заглянул — нет, ... в десятое место заглянул — он там, действие увенчалось успехом (*нашел*) или опять не обнаружил его и прекратил поиски (*не нашел*). При этом субъект, не обнаруживший объект своих поисков в десятом месте, может **продолжить** их (это **зависит от него**), и если ему **повезет** (что **от него уже не зависит**), он найдет его в 11-ом месте.

В случае неконативных глаголов и неконативной интерпретации неоднозначных в этом отношении глаголов достижение действием цели также может быть только возможно, однако ее достижение или недостижение уже не зависит двусторонне от усилий С и удачи. Например, С пошел в магазин купить хлеба, но хлеб к его приходу закончился или магазин был уже закрыт. Мы не можем сказать в этом случае, что он **попытался** купить хлеб, потому что от его усилий здесь ничего не зависело, и мы не предполагаем, что он мог бы купить хлеб, если бы совершил еще одну попытку. С другой стороны, если он решил написать грандиозный роман и прилагал усилия к осуществлению своего замысла, но у него ничего не вышло, здесь также плохо сказать, что он **попытался** написать роман, поскольку здесь очень много зависит от усилий С и его способностей, но не видно, в чем здесь роль удачи, и мы не можем сказать, что он написал бы роман, если бы ему повезло.

Свидетельством конативной интерпретации перлокутивных глаголов (в случае успешной попытки) являются обстоятельства *с трудом, насилию, еле-еле* и т.п.(см. [19]), но также *легко, без труда* и т.п.: ... *Я с трудом убедил его выпить стакан чаю* (В.А. Каверин *Открытая книга*); *Однажды я его с большим трудом уговорил пойти со мной на водную станцию*. (Ф. Искандер. *Мой кумир*); *Он попытался было слезть с помоста, но я всё-таки уговорил его спрыгнуть* (Ф. Искандер. *Мой кумир*); *Он без труда / легко убедил его поступать в театральный институт*.

Неконативные перлокутивные глаголы и неоднозначные в этом отношении глаголы в неконативных значениях обозначают речевое действие, не состоящее из ряда попыток. Здесь эффект также может быть достигнут, а может быть не достигнут, однако это уже зависит не от действий самого Г, а от установок, позиции А. Например, А может не верить Г или не доверять его компетентности. Тогда результат не будет достигнут. Например, Г сказал нечто с целью успокоить А, но А не успокоился, потому что не поверил этим успокоительным заявлениям.

Однозначно конативными перлокутивными глаголами являются *убеждать, уговаривать, упрашивать*. Однозначно неконативными являются *ободрять, подбадривать, обнадеживать, пояснять* (ср. **Он с трудом / легко подбодрил его*) и др.; многие глаголы допускают как конативное, так и неконативное понимание (*уверять, успокаивать, объяснять, разъяснять* и т.д.).

Конативные и неконативные глаголы различаются с точки зрения значения СВ. Конативные глаголы и глаголы в конативных значениях в СВ обозначают достижение результата: *Он убедил ее в том, что печалиться не стоит*, неконативные глаголы и глаголы в неконативных значениях имеют значение ‘сказал’, достигнут или не достигнут результат — неизвестно [34; 35]: *«Не стоит печалиться, вся жизнь впереди»*, — *успокоил он ее*.

При этом никакое речевое действие как таковое не может оказать непосредственно какое-либо физическое, материальное воздействие на А (исключая магическое побуждение и вообще магию посредством слов — *заклинаний, проклятий* и т.п., но этот вид действий за пределами нашего рассмотрения), они могут воздействовать только на нематериальную сторону А, на его внутренний идеальный мир (и только через события этого внутреннего мира производить опосредованное воздействие на мир физический, внешний). Внутренний, идеальный мир человека делится на 3 основных части: ум, волю и чувства (эмоции). Соответственно, целенаправленные перлокутивные действия делятся на 3 основных вида в соответствии с тем, на какую область внутреннего мира человека они воздействуют (см. [9, 278]). Это

1) ПД, воздействующие на ум (ментальное состояние) А-а, его картину мира): *убеждать*₁, *настаивать*₁, *объяснять* и т.д. — дескриптивные ПД (соотносительные с дескриптивными — описывающими действительность — РА (высказываниями));

2) ПД, воздействующие на волю А-а (= ПД побуждения к действию): *настаивать*₂, *убеждать*₂, *уговаривать*, *умолять*, *упрашивать* и т.д.;

3) ПД, воздействующие на чувства А-а — его эмоциональное состояние — *успокоить*, *подбодрить*, *утешить* и т.д.

Между этими группами нет резких границ — недаром многие глаголы употребляются для обозначения воздействия на разные сферы с диффузной переходной зоной; поскольку выбор воли часто обусловлен умом, рациональными соображениями, воздействуя на ум, мы воздействуем и на волю, воздействуя на волю, мы часто прибегаем к помощи ума и чувств, воздействуя на чувства, прибегаем к помощи ума и воли.

Целенаправленные перлокутивные глаголы, помимо валентностей участников коммуникации — Г и А, имеют также валентность перлокутивной цели (=результата, если цель достигнута) — в чём хотят, например, убедить А-а, и валентность средства достижения этой цели — это высказывания, речевые акты, которыми убеждают, побуждают что-либо сделать, успокаивают и т.д. Эти высказывания вводятся посредством прямой или несобственно-прямой речи, в некоторых случаях — изъяснительных *что*-придаточных.

Рассмотрим теперь подробнее каждый из этих типов.

Продолжение статьи – в следующем номере журнала.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С.14–23.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. литер., 1955. 416 с.
5. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
6. Вендлер З.Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 238 – 250.
7. Гловинская М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82 – 88.
8. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993б.
9. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
10. Гловинская М. Я. От «наставлений» к «подначкам» // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 48 – 56.
11. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
12. Дмитриевская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкознания. 1985. № 3.
13. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. – М., 2000.
14. Зализняк, Анна А., Шмелев А. Д. *Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2009.
17. Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка //Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 161 – 238.
18. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
19. Милютина М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке. Ижевск, 2005.

20. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., испр. и доп. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
21. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
22. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
23. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
24. Падучева Е.В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5.
25. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
26. Рахилина Е.В. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С.46–54.
27. Русская грамматика / АН СССР. Ин-т рус. яз. Т. 1. М., 1980.
28. Селезнев 1988 – М.Г. Селезнев. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
29. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
30. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
31. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981-1984.
32. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
33. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.
34. Zhang Jiahua. Eluosi dangdai yuyixue. Beijing, 2003.
35. Чжан Цзяхуа, Шатуновский И. Б. Перлокутивные глаголы и вид в русском языке // Scando-Slavica. 2014, 60:2. С. 352 – 366. — <http://dx.doi.org/10.1080/00806765.2014.984471>.
36. Шатуновский И. Б. Дескриптивные высказывания в русском языке // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. No 1.
37. Шатуновский И. Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
38. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог' 2004. М., 2004.
39. Шатуновский И. Б. Грамматика мысли в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. Труды и материалы.
40. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
41. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1962.
42. Karttunen L. Implicative verbs // Language. 1971. V. 47. N 2. P. 340 – 358.
43. Macmillan English dictionary: For advanced learners. 2006.
44. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc., 1987.

Shatunovsky I.B. Perlocutive acts and their types: how to do things with words, doing things with words.

This paper is devoted to perlocutionary actions and perlocutionary verbs — the verbs that denote [perlocutionary actions](#) — in Russian. The study of perlocutionary actions are of great importance not only for linguistics, but also for sociology, social psychology, and logic of actions, because perlocutionary interaction is an intrinsic part of social interaction at large. The paper proposes a fresh approach to perlocutionary actions, establishes the conditions of transition of perlocutionary verbs into illocutionary ones, identifies the main types of perlocutionary verbs and actions, describes the most important Russian perlocutionary verbs.

Keywords: perlocutionary, illocutionary, speech acts, speech actions, verbs, Russian, semantics, pragmatics.